

Грибодовская Москва.

Сегодня исполняется ровно 100 лет со времени появления в свет первых действий „Горе от ума“.

Целый век отделяет нас от эпохи, когда жили и наслаждались своей мотыльковой, пустой и беззаботной жизнью многочисленные персонажи гениальной Грибодовской комедии. Какова была в действительности эта жизнь?

Есть превосходная книга „Грибодовская Москва“ М. Гершензона, — представляющая, как сам актер рекомендует свой труд, опыт исторической иллюстрации к „Горе от ума“, попытка представить возможно наглядным образом уголок той подлинной, реальной действительности, которую Грибодов, творчески преображая, изобразил в „Горе от ума“.

Известно, что Грибодов, создавая свою комедию, сознательно исходил от наблюдений над конкретной действительностью. Это удостоверяется не только свидетельствами ближайших к нему людей, но и его собственным призывом — его письмом к П. А. Катенину, где он категорически подтверждает условную (художественную) портретность действующих лиц своей комедии.

Материал, служивший М. Гершензону для издания „Грибодовской Москвы“ — неизданный семейный альбом Римских-Корсаковых, именитой московской семьи, входившей в тот самый круг общества, в котором вращался Грибодов и письма как раз за те годы, когда Грибодов наблюдал это общество.

Центральная фигура — Мария Ивановна Римская-Корсакова, дочь которой в Москве, пославшейся Грибодовым, Пушкиным и Вяземским, и поныне цды.

Вяземский писал о Марии Ивановне, что она „должна иметь почетное место в преданиях хлбосольной и гостеприимной Москвы“. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы и маскарады, разные увеселения, зимой санная катанка за городом, импровизированные завтраки... Красавица дочери ее, и особенно одна из них, намеками вос-

петы Пушкиным в „Онгина“, были душой и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова.“

Домь Марья Ивановны в 1816—1823 гг. во всех отношениях типичный домь Грибодовской Москвы. Как раз в эти годы Грибодов, навязая в Москву, наблюдал московское общество; в эти же годы и было создано „Горе от ума“. Грибодов несомненно с детства знал Марию Ивановну и, очень вероятно, что в эти приемы он бывал в ее домь. Несколько лет спустя, еще при жизни Грибодова, обь семья породнились: младший сын Марья Ивановны — Сергей женился на той самой кузинь Грибодова, Софь Алексеевн, которую предание называет прототипом Софьи Фамусовой, как ее отца — дядю Грибодова — прототипом самого Фамусова.

В известном смысле „Горе от ума“ — эпизод из жизни самого Грибодова, и сам автор — прототип Чацкого. Такой был несомненно и сознательный замысел Грибодова. Чацкий взят в той самой позиции, в какой дважды был сам Грибодов, вернувшись в Москву после долгого отсутствия. Выдуманная Грибодовым любовь Чацкого к Софье (потому что в его собственной жизни, как говорят биографы, такого факта не было) служит для острения этой позиции: она делает московские впечатления Чацкого более яркими и болезненными, его отзывы на них — более страстными. Любопытны обьомки комедии, еще более приближающа Чацкого к Грибодову. Чацкий имеет какое-то отношение к литературе он, как самь Грибодов, — „иншет, переводит“.

И темь не менее, в целом, как очевидно для всякого, Чацкий вовсе не автопортрет Грибодова, художественный облик первого не совпадает с личностью второго: и таков, конечно, все действующия лица комедии.

Домь Марья Ивановны был большой и просторный в два этажа и два десятка комнат.

Легко и весело шла тамь жизнь. То было время, когда рьдко хворали, когда мало думали, но много и безь заботь весе-

дились, когда размеры аппетита определялись шутовой поговоркой что „гусь — глухая птица, на двоихь мазо, а одному стыдно“, когда званые обьеды начинались вь 3 часа, а балы между девятью и десятью и только „львы“ являлись вь 11. Балы и вечера, званые обьеды, гулянья, спектакли смьнялись безь передышки. Балы и вечера у Марья Ивановны были вь числь самыхь веселыхь. Современникь сообщает, что кь ней можно было приехать поздно, уже сь другого бала, потому что у нея танцевали до рассвета; и являлись ея вечера еще щедростью освещенія, тогда как вь другихь домяхь сь одного конца зала до другого нельзя было различить лица.

Домашние и друзья Марья Ивановны, ть, кто составляли ея „дворь“ и ближайший кругь, — „знакомыя все лица“. По мнью М. Гершензона, Грибодов списал свою Лизу не сь субретокь французской комедии, а сь горничной Марья Ивановны Душки, кршностной, которая шла сь Марьей Ивановной чай по утрамь, сопровождала ее кь обьедь и характеризовала гостей по французски „charmante personne, joli garçon“.

Воть еще одинь вероятный прообраз: бессарабско-венетянский грекь Метакса, который вь 20-тыхь годахь бывал вь всехь домяхь Корсаковского и Грибодовского круга, всюду завтрадал и обьедал, всюду дьбался нужнымь и порою за глаза обьывался „наобьдакой“. Это о немь Чацкий спрашиваеть Софью:

„А этоть... Какь его... Онь турокь или грекь...“

Тоть черномазенький, на ножкахь журавлиныхь,

Не знаю, какь его зовуть,
Куда не сунься — туть какь туть
Вь столовыхь и гостиныхь?

А последние обьомки минаушного вька, которыхь такь много на сцень „Горе оть ума“ вь лицахь и портретахь, — сколько ихь вокругь Марья Ивановны! Начать хотя бы со старой княжны Хованской, которая ежедневно совершала прогулки во кругь двора сь зеленымь поугаемь на плечь, сь дьвкой, державшей зонтикь надь ея головой, сь лакеемь сьзди и большой собакой английской породы, которую „ея

сиятельство откормила, какь „кормную свиньку“. Это о ней спрашиваеть Чацкий:

„А тетушка? Все дьвушка и Минервой,
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниць и мосекь подоль домь...“

Другь Марья Ивановны — старикь Офросимовь. Онь, какь Фамусовь, — Павель Афанасьевичь, да и фамилия Фамусова возникла, можеть быть, путемь перестановки буквь фамили Афросим вь, какь писали и говорили тогда все. Онь генерал майорь вь отставкь, богат и важен, одинь изь директоровь дворянского собрания, московский туз и, какь Фамусовь, не отличался быстротой ума.

Друга-приятельница Марья Ивановны — замечитая Настасья Дмитриевна Офросимова, которую сь фотграфической точностью изобразил Л. Н. Толстой вь „Войнъ и Мирь“. Ее называют прототипом Хлестовой вь „Горе оть ума“. Неть сомненья, что Грибодовь должень быль ее знать. Это одна изь самыхь видныхь фигурь вь тогдашней Москвь; ни кь кому вь такой мьрь какь кь ней, не могуть быть применены слова Фамусова:

„А дамы? — Сунься кь, попробуй, овладьт,
Судьи всему вездь, надь ними неть судей...
Скомандовать велите передь фрунтомь!
Присутствовать пошлите ихь вь сенать!“

Она действительно властно командовала московскимь обществомь. Ея боялись, какь огня, не только ея смельчакь, рослые газетейские оицеры, которыхь она держала вь страхь пощечинами, но и все, кто встречался сь ней.

Были вь Грибодовской Москвь прообразы и Натальи Дмитриевны, и Татьяны Юрьевны, и другихь персонажей „Горе оть ума“.

Однако, следуеть помнить, что, если портретность этихь персонажей не поддежить сомненью, то все же она весьма условна. И совершенно правильно замечание А. Н. Веселозского: „Невозможно зьпускать изь виду, что копировка шла не далее первоначального контура, общего обьлика, оживить который и сдвигать цдынымь, своеобразнымь тьломь, вкладь отьвещающимь замысломь автора, было несомненьнымь дьломь его тогдашн.“